
Отрицание гендерного насилия: введение в проблему

Рется С.Э., студент, кафедра клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (retsya-stasya@yandex.ru)

Луковцева З.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (sverchokk@list.ru)

Предметом рассмотрения в настоящей статье является отрицание гендерного насилия. Обсуждается вопрос о формулировке определения этого понятия, предлагается гипотетическая схема возможных проявлений отрицания гендерного насилия. В основу этой схемы легло предположение о том, что отрицание не всегда одновременно затрагивает и насильственные, и гендерные аспекты ситуации. В зависимости от того, насколько объемлющим является отрицание, дифференцированы частичный и полный варианты обсуждаемого феномена. Ставится вопрос о практической необходимости учета не только осмысленного толкования гендерного насилия, но и непосредственных эмоциональных реакций на столкновение с этим явлением. Выдвинуты предположения относительно возможных психологических механизмов отрицания гендерного насилия, обозначены перспективы дальнейших эмпирических исследований в обозначенной области. Указывается, в частности, на необходимость дальнейшего изучения отрицания гендерного насилия у людей, непосредственно вовлеченных в происходящее и наблюдающих насилие со стороны.

Ключевые слова: гендерное насилие, феномен отрицания, психологическая защита, копинг-поведение.

Для цитаты:

Рется С.Э., Луковцева З.В. Отрицание гендерного насилия: введение в проблему. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 85-95. doi: 10.17759/psylaw.2019090106

For citation:

Retsya S.E., Lukovseva Z.V. Denial of gender-based violence: introduction to the problem. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 1. pp.85-95. doi: 10.17759/psylaw.2019090106

Следуя сложившейся традиции [1; 2; 8; 9; 10; 12], **гендерным** мы будем считать насилие, направленное на человека в связи с его половой и/или гендерной

принадлежностью. Как и любая другая системная форма насилия, рассматриваемое явление может выступать в виде физического, психологического, экономического или иного воздействия и, как правило, носит сочетанный характер. Многообразие проявлений и высокая латентность гендерного насилия (далее — ГН) до сих пор остаются факторами, серьезно осложняющими процесс его научного исследования. К числу наиболее ярких примеров ГН можно отнести: сексуальное насилие; вербальную и физическую агрессию, направленную на мужчин или женщин именно потому, что они являются мужчинами или женщинами; неправомерное увольнение по причине половой и/или гендерной принадлежности сотрудника и т. д. Чаще пострадавшими оказываются женщины, однако понятие ГН не исключает, разумеется, насилия в отношении мальчиков и мужчин [9; 16].

Проблема отрицания гендерного насилия (далее — ОГН) является эмпирически очевидной, однако до сих пор она не подвергалась систематическому исследованию ни в психологии, ни в смежных науках. Отсутствуют точные данные о распространенности, структуре возможных проявлений и последствий ОГН, не освещены и его психологические механизмы. Малоизученными остаются также причины возникновения ОГН, хотя и можно составить о них общее представление, исходя из теоретических соображений. На сегодняшний день данное явление рассматривается главным образом косвенно, в контексте более масштабных вопросов гендерной психологии и социологии [8; 11; 12; 13; 15; 18].

Термин «отрицание гендерного насилия» содержит в себе указание на особую идентификацию ситуации ГН и может быть определен содержательно или «от противного». Первый вариант определения раскрывает ОГН через видение этой ситуации как безопасной (предполагающей защищенность человека) и/или гендерно нейтральной. Во втором варианте формулировка будет такой: ОГН — это вариант идентификации ГН, при котором насильственная и/или гендерная природа происходящего не обнаруживается и/или не признается. Попытаемся хотя бы в самом общем виде систематизировать **феноменологию ОГН** (рис. 1). Будем учитывать при этом, что отрицание не всегда касается *одновременно* и насильственных (опасных, угрожающих), и гендерных аспектов ситуации; таким образом, ОГН может носить частичный или полный характер. В правой части рисунка приведем условные примеры высказываний, отражающих тот или иной вариант идентификации ситуации ГН.

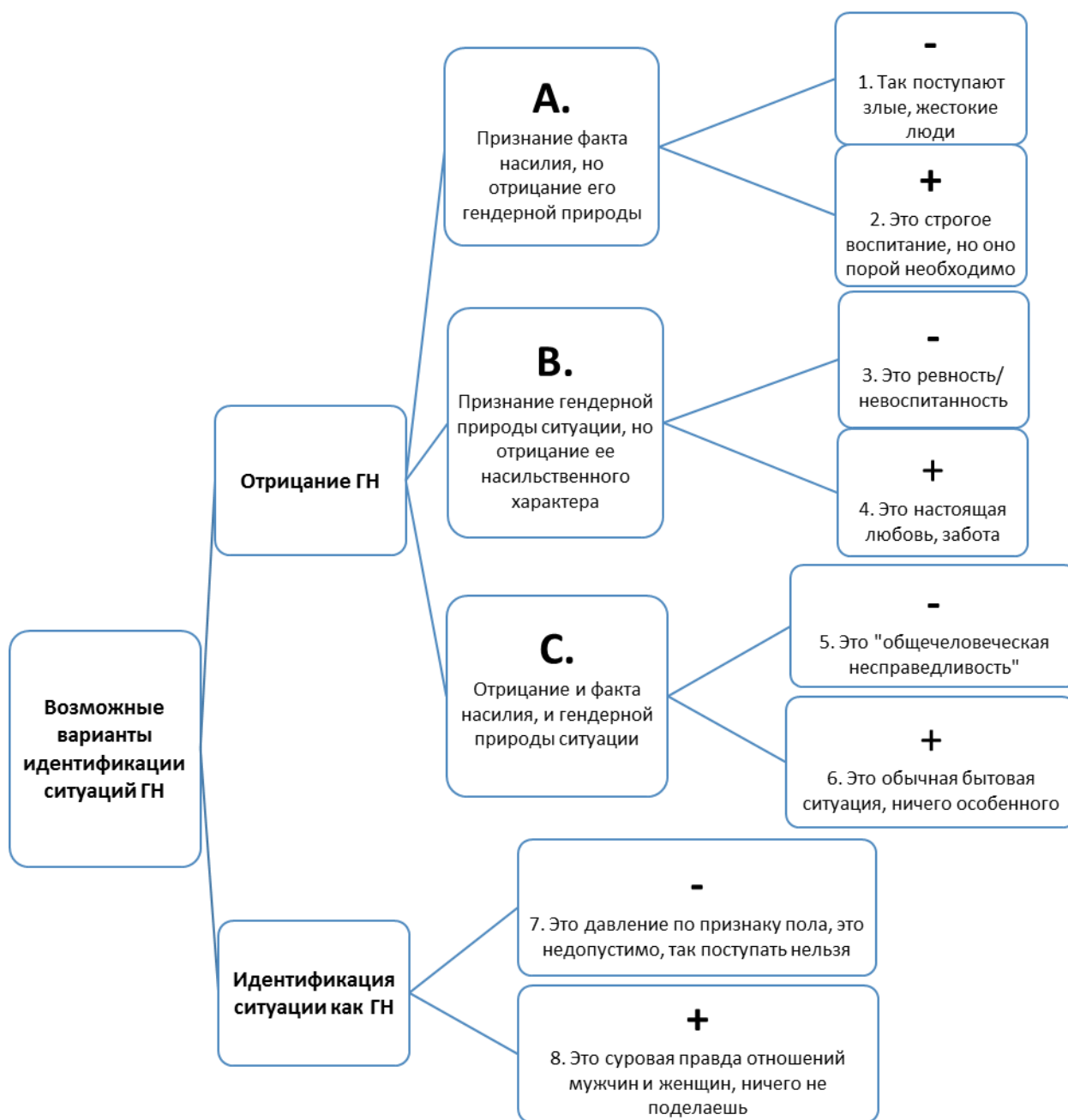

Рис. 1. Возможные варианты идентификации ситуаций гендерного насилия

Вне зависимости от того, способен ли и готов ли человек идентифицировать ГН в принципе, опыт столкновения с этим явлением неизбежно породит и эмоциональную реакцию, и толкование ситуации. Характер толкования может варьировать от вполне положительного, предполагающего принятие и одобрение происходящего, до резко отрицательного, сопряженного с возмущением и негодованием. На рис. 1 соответствующие варианты толкования обозначены знаками «+» и «-». Систематизированные здесь варианты идентификации могут быть осуществлены, конечно, не только сторонним свидетелем ситуации ГН, но и ее непосредственными участниками. Последних мы также будем относить к числу наблюдателей (хотя и «включенных»), имея в виду их субъективное видение происходящего.

Не замечая гендерной и/или насильственной природы ситуации, наблюдатель все равно может определить ее как «неправильную», «дикую», «из ряда вон выходящую», но может счесть ее, напротив, не только нормативной, но и полезной, выполняющей важную функцию (социальную, воспитательную и т. д.). Рассмотрим различные варианты толкования ситуации ГН, обобщенные на рис. 1, подробнее. В варианте «А» наблюдатель замечает насилие, однако не считает его гендерно окрашенным; ситуация ГН истолковывается как проявление агрессивного, безжалостного характера обидчика или как неизбежное зло, оправданная жестокость (например, в воспитании детей). В варианте «В» происходящее предстает как вполне безопасная ситуация, не оказывающая вредоносного воздействия, а поведение субъекта связывается с мотивами ревности или проявлениями любви, заботы в межгендерных отношениях (как правило, романтических или детско-родительских). Наконец, вариант «С» предполагает, что наблюдатель совершенно не идентифицирует ГН, трактуя происходящее в терминах «общечеловеческой несправедливости», «неправильного мироустройства» или подчеркивая обыденный, рядовой характер происходящего. Не является однозначным и отношение к идентифицированному ГН; в случае отрицательного толкования ситуация понимается как неприемлемая, недопустимая, в противоположном же случае — как естественная, закономерная и даже необходимая в конкретных условиях.

Говоря о *толковании*, мы подразумеваем в большей степени осознанный, произвольный, когнитивный по своей сути акт, в отличие от *реакции*, которая может возникать непосредственно, помимо воли и сознания наблюдателя. Перечислим наиболее вероятные ОГН-реакции, а именно высказывания и невербальные проявления наблюдателя, выражающие в первую очередь его эмоциональное отношение к ситуации ГН:

1) *реакция-смех*: смех, улыбки, шутки, нивелирующие серьезность и травматичность ситуации;

2) *реакция-недоверие*: эмоционально окрашенное отрицание самой возможности того, что подобная ситуация может произойти в действительности («Что за бред, такого не может быть!»);

3) *реакция-возмущение*: эмоционально окрашенный перенос ответственности за случившееся на пострадавшую сторону, обвинение объекта насилия («Так ей/ему и надо!»).

ОГН-реакции не стоит считать явлением, полностью исключающим осмысленное толкование ситуации. Зачастую они предваряют толкование (в таких случаях наблюдатель непосредственно реагирует «нервным смехом», после чего дает логическое объяснение своей позиции) или возникают в процессе объяснения (интерпретируя ситуацию, наблюдатель начинает возмущенно повышать голос, недоверчиво восклицать и т. п.).

Рассуждая о возможной *природе ОГН*, можно предложить по крайней мере три версии. Психологические механизмы, рассматриваемые в рамках каждой из них, могут одновременно, в различных пропорциях и последовательности, приходиться в действие у одного и того же человека.

Первая версия основана на том соображении, что ГН зачастую является тяжелой психотравмирующей ситуацией (причем не только для пострадавшей стороны и свидетелей, но, в масштабах всей жизненной перспективы, и для обидчика). В этой логике можно говорить о защитной природе ОГН; на рис. 1 соответствующие высказывания

обозначены цифрами 2 и 6. Психологические защиты — это система регуляторных механизмов психики, которые направлены на устранение или сведение к минимуму негативных, травмирующих личность переживаний, сопряженных с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта [7]. Принято выделять восемь защитных механизмов: вытеснение, отрицание, регрессию, реактивное образование, проекцию, замещение, рационализацию и сублимацию. Исходя из названия исследуемого нами феномена, предположим, что ОГН основано в основном на отрицании (конечно, это не исключает возможности дополнительного влияния и других защит, о чем будет сказано далее).

К отрицанию прибегают, как правило, в наиболее тяжело травмирующих ситуациях; его суть заключается в отказе признать, что событие-травма произошло на самом деле («Этого не могло случиться») [19]. Данный механизм играет значительную роль в формировании отношения к какому-либо опасному социальному явлению, а значит, и в построении определенных социальных представлений. Влияние отрицания активно обсуждается в контексте проблем отношения к алкоголизму, наркомании, оценке распространенности и степени опасности ВИЧ/СПИДа. Так, убеждения СПИД-диссидентов могут быть основаны на отсутствии достаточно актуальной и достоверной информации, недоверии по отношению к общепризнанным знаниям; существенное значение может иметь и обращение к конспирологическим теориям [5]. Исследователи отмечают, что основным в формировании представлений о ВИЧ-инфекции, ВИЧ-положительных людях и потребителях наркотиков является механизм «не я — другие» [3; 4]. Аналогичным образом могут строиться и представления о ГН. Такая трактовка ОГН наиболее точно согласуется с негативным определением этого явления, приведенным нами выше. Содержательное же определение позволяет предположить, что спектр психологических защит, лежащих в основе ОГН, более широк. Так, чтобы истолковать ситуацию ГН как безопасную и/или гендерно нейтральную, нередко прибегают к рационализации. Примером может служить ситуация, когда мужчина объясняет рукоприкладство по отношению к жене сильной ревностью, стремясь избежать осуждения (как общественного, так и своего собственного, самооценочного).

Согласно *второй версии*, ОГН следует рассматривать как копинг-стратегию, которая актуализируется в ответ на стресс столкновения с ГН. Примеры высказываний, отражающих влияние подобного механизма, обозначены на рис. 1 цифрами 1, 2, 4, 5 и 6. Копинг-стратегии — это гибкие, изменчивые попытки справиться с влиянием особых внешних или внутренних требований. Речь при этом идет о требованиях, которые субъективно оцениваются человеком как чрезмерные или превышающие его наличные ресурсы [21]. Содержание копинг-поведения представлено когнитивными, поведенческими и эмоциональными составляющими. Если обстоятельства оцениваются как негативные, нежелательные, возникает потребность совладать с ними, осуществляемая с помощью высвобождения эмоций, разработки стратегии преодоления и/или опоры на социальную поддержку. Дальнейший выбор модели копинг-поведения обусловлен индивидуально-психологическими особенностями (темперамент, уровень тревожности, особенности мышления и характера) и социально-психологическим опытом человека, а также объективными социальными параметрами ситуации [14]. Р. Лазарус предлагал различать совладание и защиты. Согласно его концепции, копинг-поведение изначально формируется на сознательном уровне, а механизмы психологических защит — на бессознательном. Еще одно важное различие состоит в том, что защитные механизмы направлены лишь на

снижение эмоционального напряжения, дискомфорта, а копинг — на восстановление равновесия, оптимальных отношений между личностью и окружением.

Представляется, что из выделенных С. Фолкманом и Р. Лазарусом восьми копинг-стратегий наиболее тесно связаны с ОГН положительная переоценка, дистанцирование и бегство-избегание. При положительной переоценке фокус смещается с гендерной и/или насильственной составляющей ситуации ГН, в результате чего последняя может предстать в глазах наблюдателя, например, как «полезный урок» (высказывания 2, 4 и 6 на рис. 1). Дистанцирование может помешать оценить степень опасности ГН, реальность давления на пострадавшую сторону со стороны обидчика, недобровольность происходящего. Эта копинг-стратегия, как нам кажется, больше связана с отрицанием насильственного характера ситуации, чем ее гендерной обусловленности, см. примеры 3, 4 и 5 на рис. 1. Наконец, при выборе бегства-избегания наблюдатель вообще не дает себе возможности проанализировать ситуацию с точки зрения ее гендерной и/или насильственной природы — примеры 5 и 6 на рис. 1 [6].

Наконец (*третья версия*), ОГН может выступать внешним проявлением системы убеждений человека, приобретенной им в течение жизни (наиболее вероятны высказывания 1, 2, 3 и 4 на рис. 1). Такого рода механизм описан в *теории социального научения* А. Бандуры, где происхождение насильственного поведения связывается с опытом наблюдения за другими людьми, совершающими насилие. Неслучайно дети, регулярно подвергающиеся насилию в семье, расценивают это явление как обыденное, а основной причиной происходящего считают плохое поведение ребенка, нарушение им принятых норм и правил. В некоторых случаях у детей даже формируется положительный образ человека, совершающего насилие в целях «коррекции» поведения другого, а значит, повышается вероятность следования примеру такого человека [17]. Применительно к нашей теме следует вспомнить и о феномене нормализации, ратификации насилия, изучаемом обычно путем анализа материалов СМИ. Активно транслируемая установка на то, что насилие может быть оправданным, нормальным или даже привлекательным, а пострадавшая сторона своим поведением, внешним видом или личностными особенностями может «заслуживать» насилия, не только усваивается, но и воспроизводится аудиторией в реальной жизни [8].

Приведенные три версии природы ОГН не следует рассматривать как взаимоисключающие, ведь соответствующие им психологические механизмы действуют, несомненно, системно. Мы осознаем также, что приведенный список версий отнюдь не является исчерпывающим. Дальнейшие эмпирические исследования могут пролить свет на проблемы удельного веса и взаимовлияния психологических механизмов ОГН. Важно понять, например, каким образом разные механизмы работают у непосредственных участников и свидетелей ситуации ГН, каковы возможности профилактики и преодоления ОГН. Особый практический интерес в этом отношении будет представлять анализ психологических механизмов верной, корректной идентификации случаев ГН.

Литература

1. Андронникова О.О., Ветерок Е.В. Гендерные характеристики виктимного поведения как результат нарушения социального развития // Психологические науки. 2017. № 3(57). С. 111—113.

2. Бендас Т.В. Гендерная психология: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
3. Бовина И.Б., Панова Т.Б., Малышева Н.Г. ВИЧ-инфекция и ВИЧ-инфицированные: особенности социальных представлений в двух возрастных группах // Психология и право. 2012. №. 1. С. 110—120.
4. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Коноплёва И.Н., Ковалев М.А., Конкин В.Ю. Наркотики и наркоманы: особенности социальных представлений в двух группах молодежи // Психолого-педагогические исследования. 2012. №. 3. С. 130—140.
5. Бурина Е.А., Бурина Д.А. Феномен СПИД-диссидентства // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. №. 3. С. 63—66.
6. Дементий Л.И. К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // Журнал прикладной психологии. 2004. № 3. С. 20—25.
7. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь. М: АСТ-Москва. 2008. 868 с.
8. Клецина И.С., Иоффе И.В. Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами // Женщина в российском обществе. 2015. № 1 (74). С. 4—17.
9. Клецина И.С. Психологическое насилие в гендерных межличностных отношениях: сущность, причины и последствия // Жизнь без насилия / Под ред. С.Л. Акимовой. СПб.: Островитянин, 2009. С. 7—30.
10. Клецина И.С. Развитие гендерных исследований в психологии // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 181—192.
11. Купрова Н.П. О проблемах противодействия насилию в семье // Гуманитарные и юридические исследования. 2013. № 2. С. 53—57.
12. Лактионова М.А. Гендерное насилие как междисциплинарная проблема // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 1. С.97—106.
13. Маргарян Н.М. Проблемы противодействия семейному насилию // Вестник магистратуры. 2017. № 12-1(75). С. 115—117.
14. Морозова Т.Ю. Оценка эффективности профилактических программ на основе анализа уровня сформированности копинг-стратегий у подростков // Психолого-педагогические аспекты сохранения и укрепления здоровья школьников. М., 2008. С. 15—46.
15. Очередько В.П., Ломтев С.П., Харламов В.С. География криминального супружеского насилия в современной России // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 4. С. 666—674.

16. Работа с мальчиками и мужчинами, пострадавшими от сексуального и гендерного насилия в условиях принудительного перемещения. Женева: УВКБ ООН, 2012. 13 с.
17. Тащёва А.И., Гриднева С.В. Восприятие детьми семейного насилия // Психология и право. 2013. № 1. С. 1—11.
18. Усиление роли системы здравоохранения в реагировании на гендерное насилие в Восточной Европе и Центральной Азии: сб. материалов. Вена: WAVE, 2014. 388 с.
19. Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений / Под ред. М.Г. Ярошевского. Москва: Просвещение, 1990. 448 с.
20. Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York: Springer Publishing Company, 1984. 456 p.

Denial of gender-based violence: introduction to the problem

Retsya S.E., Student, department of clinical and forensic psychology, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (retsya-stasya@yandex.ru)

Lukovtseva Z.V., PhD (Psychology), assistant professor, department of clinical and forensic psychology, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education (sverchokk@list.ru)

The subject of this article is denial of gender-based violence. The author discusses the formulation of the definition of this concept and proposes a hypothetical scheme of possible manifestations of the denial of gender-based violence. The basis of this scheme lay the assumption that negation not is always simultaneously affected, and violent, and gender aspects of the situation. Depending on how comprehensive is the denial, differentiated between partial and full versions of the discussed phenomenon. The question is raised about the practical need to take into account not only a meaningful interpretation of gender-based violence, but also direct emotional responses to the collision with this phenomenon. The proposed assumptions regarding the possible psychological mechanisms of denial of gender-based violence, the perspectives of future empirical research in the designated area. It is pointed out, in particular, the need for further study of the denial of gender-based violence in people directly involved in what is happening and observing violence from outside.

Keywords: gender-based violence, phenomenon of denial, defense mechanism, coping-strategy.

References

1. Andronnikova O.O., Veterok E.V. Genderniye haracteristiki viktimnogo povedeniya kak resul'tat narusheniya social'nogo rasvitiya [Gender characteristics of victimization as a result of social development disorders] // *Psichologicheskiye nauki [Psychological sciences]*, 2017, no. 3(57). pp. 111-113.
2. Bendas T.V. Gendernaya psichologiya [Gender psychology]. Saint-Petersburg: Peter, 2006. 431 p.
3. Bovina I.B., Panova T.B., Malysheva N.G. VICH-infektsiya i VICH-infitsirovannyye: osobennosti sotsial'nykh predstavlenij v dvukh vozrastnykh gruppakh [HIV infection and HIV information: features of social representations in two age groups]//*Psikhologiya i parvo [Psychology&law]*, 2012, no. 1, pp. 110-120.
4. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Konoplyova I.N., Kovalev M.A., Konkin V.YU. Narkotiki i narkomany: osobennosti sotsial'nykh predstavlenij v dvukh gruppakh molodezhi [Drugs and drug addicts: features of social representations in two groups of youth] //*Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya [Psychological and pedagogical research]*, 2012. no. 3, pp. 130-140.

5. Burina E.A., Burina D.A. Fenomen SPID-dissentstva [Phenomenon of AIDS-dissidence] // *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya [New word in science: prospects of development]*, 2016, — no. 3, pp. 63-66.
6. Dementij L.I. K probleme diagnostiki sotsial'nogo konteksta i strategij koping-povedeniya [To the problem of diagnostics of social context and strategies of coping behavior] // *ZHurnal prikladnoj psikhologii [Journal of applied psychology]*, 2004, no. 3, pp. 20-25.
7. Zinchenko V.P., Meshheryakov B.G. Bol'shoj psikhologicheskij slovar' [Great psychological dictionary]. Moscow: AST-Moskva, 2008. 868 P.
8. Klyotsina I.S., Ioffe I.V. Gendernyj podkhod v analize prichin proyavleniya nasiliya v blizkikh otnosheniyakh mezhdru muzhchinami i zhenshhinami [Gender approach to the analysis of the causes of violence in close relationships between men and women] // *ZHenshhina v rossijskom obshhestve [Woman in Russian society]*, 2015, no. 1 (74), pp. 4-17.
9. Klyotsina I. S. Psikhologicheskoe nasilie v gendernykh mezhlichnostnykh otnosheniyakh: sushhnost', prichiny i posledstviya [Psychological violence in gender interpersonal relations: the essence, causes and consequences] // *ZHizn' bez nasiliya [Life without violence]* / ed. S.L. Akimova. Saint-Petersburg: Ostrovityanin, 2009. pp. 7-30.
10. Klyotsina I.S. Razvitie gendernykh issledovanij v psikhologii [Development of gender research in psychology] // *Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and modernity]*, 2002, no. 3, pp. 181-192.
11. Kuprova N.P. O problemakh protivodejstviya nasiliyu v sem'e [On the issue of combating violence in the family] // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [The Humanities and legal studies]*, 2013, no. 2, pp. 53-57.
12. Laktionova M.A. Gendernoe nasilie kak mezhdistsiplinarnaya problema [Gender violence as an interdisciplinary problem] / [Elektronnyj resurs] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. [Bulletin of Adyghe state University. Series 1: regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies].* 2011. — no 1. — Pp. 97-106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-nasilie-kak-mezhdistsiplinarnaya-problema> (Accessed: 10.07.2018).
13. Margaryan N.M. Problemy protivodejstviya semejnogo nasiliya [Problems of combating family violence] // *Vestnik magistratury [Bulletin of the magistracy]*, 2017, no. 12-1(75), pp. 115-117.
14. Morozova T. YU. Otsenka ehffektivnosti profilakticheskikh programm na osnove analiza urovnya sformirovannosti koping-strategij u podrostkov [Evaluation of the effectiveness of preventive programs based on the analysis of the level of formation of coping strategies in adolescents] // *Psikhologo-pedagogicheskie aspekty sokhraneniya i*

ukrepleniya zdorov'ya shkol'nikov [Psychological and pedagogical aspects of preserving and strengthening the health of schoolchildren], 2008, pp. 15—46.

15. Ochered'ko V.P., Lomtev S.P., KHarlamov V.S. Geografiya kriminal'nogo supruzheskogo nasiliya v sovremennoj Rossii [Geography of criminal spousal violence in modern Russia]// *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [All-Russian journal of criminology]*, 2017, no. 4, pp. 666-674.
16. Rabota s mal'chikami i muzhchinami, postradavshimi ot seksual'nogo i gendernogo nasiliya v usloviyakh prinuditel'nogo peremeshheniya [Working with boys and men affected by sexual and gender-based violence in situations of forced displacement], Geneva: UNHCR, 2012. 13 p.
17. Tashhyova A.I., Gridneva S.V. Vospriyatie det'mi semejnogo nasiliya [Children's perception of family violence] // *Psikhologiya i pravo [Psychology&law]*, 2013, no. 1, pp. 1-11.
18. Usilenie roli sistemy zdavookhraneniya v reagirovanii na gendernoe nasilie v Vostochnoj Evrope i TSentral'noj Azii. Sbornik materialov [Strengthening the role of the health system in responding to gender-based violence in Eastern Europe and Central Asia. Collection of materials], Vienna: WAVE, 2014. 388 p.
19. Frejd Z. Psikhologiya bessoznatel'nogo: sbornik proizvedenij [Psychology of the unconscious: collection of works] // ed. M. G. Yaroshevsky. Moscow: Prosveshhenie, 1990. 448 p.
20. Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York: Springer Publishing Company, 1984. 456 p.